

К. С. АКСАКОВЪ.

Первородный сынъ Сергѣя Тимофѣевича и Ольги Семеновны Аксаковыхъ, Константинъ Сергѣевичъ (род. 29 Марта 1817 г.) былъ человѣкъ поистинѣ необыкновенный. Хомяковъ называлъ его свирѣпымъ агнцемъ: кроткій и незлобивый, онъ, защищая свои убѣжденія, становился неистовъ и ударялъ мощно кулакомъ по столу. Хомяковъ говаривалъ, что въ немъ и въ его дѣдѣ Тимофѣѣ Степановичѣ олицетворяется ходъ Русскаго просвѣщенія: тотъ таскалъ за волосы свою Арину Васильевну, внукъ его написалъ диссертацию о Ломоносовѣ Русскими словами, но по-нѣмецки. Онъ напоминалъ собою Пушкинскаго Ленскаго:

Духъ пылкій, но немного странный, всегда возвышенная рѣчь...

Пишущій эти строки счастливъ тѣмъ, что зналъ Константина Сергѣевича. Послѣ разговора съ нимъ всякій разъ становилось какъ-то свѣтлѣе и чище на душѣ. Его можно сравнить съ другимъ чистымъ существомъ, котораго вся жизнь прошла какъ святыня. Это графиня А. Д. Блудова. Общаго между ними было и въ любви къ родителямъ. Когда Хомяковъ прочиталъ графинѣ свою „Пасхальную Заутреню“, гдѣ сказано, что слово братъ „всѣхъ словъ земныхъ и выше и святѣй“, графиня ему замѣтила, что у нея есть слово еще святѣе. Не договаривайте, быстро подхватилъ Хомяковъ, это слово „отецъ“.

По кончинѣ отца своего (30 Апрѣля 1859 года) Константинъ Сергѣевичъ, пользовавшійся всегда крѣпкимъ здоровьемъ, очень скоро сдѣлался неузнаваемъ. Онъ безпрестанно ѣздилъ въ Симоновъ монастырь, гдѣ даже ложился на могилу отца и обливалъ ее слезами. Онъ совершенно перемѣнилъ образъ жизни, и не прошло года, какъ заболѣлъ чахоткою, ради которой предписано ему было лѣчиться виноградомъ.

Помѣщаемыя ниже письма его къ матери и сестрамъ сообщены были намъ его братомъ Иваномъ Сергѣевичемъ, въ спискѣ, съ подстрочными примѣчаніями. П. Б.

ПИСЬМА К. С. АКСАКОВА

изъ чужихъ краевъ въ Москву.

Берлинъ, 24-го Августа 1860 г.

Я доѣхалъ въ Берлинъ самымъ благополучнымъ образомъ, и меня заботить мысль о васъ.

Когда подѣхали мы къ Штетину, я увидалъ на пристани стоящаго брата Ивана. Было это мнѣ очень дорого, и глубоко отрадно его увидеть, хотя я этого ждалъ, былъ почти увѣренъ въ этомъ и даже говорилъ кому-то изъ сестеръ. Онъ пріѣхалъ наканунѣ и дожидался прихода парохода, который опоздалъ и пришелъ въ Штетинъ въ 2 часа, такъ что поѣздъ денной уже ушелъ въ Берлинъ. Сейчасъ мы пошли съ нимъ въ гостиницу и тамъ вдвоемъ могли говорить и говорили долго. Вечерній поѣздъ отходить въ половинѣ седьмаго.—Въ семь часовъ выѣхали мы изъ Штетина (Нѣмцы явились *неаккуратными*) и пріѣхали въ 11 часу въ Берлинъ. Мы остановились въ гостиницѣ zum Bayerischen Hof. Сегодня справлялись о виноградѣ. Содержатель гостиницы отвѣчалъ, что объ этомъ надо спросить у доктора; про Траубе сказалъ, что онъ знаменитъ по части грудныхъ болѣзней, и долженъ знать о виноградѣ, ибо часто отправляетъ на виноградъ. Это рѣшило меня пойти къ Траубе; а я ужъ хотѣлъ было только занести къ нему письмо графини Салиасъ. Самъ же содержатель гостиницы думаетъ, что виноградъ еще не поспѣлъ. Къ Траубе поѣдемъ мы въ 4 часа (это его часъ); поговоря съ нимъ, пошлю вамъ сейчасъ телеграмму—куда я ѣду или куда вамъ писать.

Теперь скажу вамъ сколько-нибудь о моемъ путешествіи. Когда вы уѣхали, я долго смотрѣлъ вслѣдъ вашему пароходу... Какъ я доволенъ, что вы видѣли море! За обѣдомъ я увидѣлъ всѣхъ своихъ спутниковъ. Тотъ господинъ, который все пѣлъ на пароходѣ и говорилъ во все горло, оказался человѣкомъ весьма добрымъ. Я замѣтилъ, какъ онъ, прощаясь крестилъ Колю, своего племянника, съ которымъ онъ все время балагурилъ. Разспросивъ, зачѣмъ я ѣду и узнавъ, что я нездоровъ, онъ заботился о мнѣ съ большимъ вниманіемъ. Это особенный типъ людей, къ которымъ принадлежитъ и этотъ господинъ; его фамилія Барышниковъ. Онъ всю дорогу пѣлъ, говорилъ на разныхъ языкахъ, какъ на своемъ собственномъ, балагурилъ, проказничалъ до совершеннаго шутовства и не могъ минуты быть спокойнымъ;

но въ то же время всякому готовъ былъ услужить чѣмъ нибудь. Вообще я доволенъ моими спутниками.

Странное дѣло! Взглянулъ ли я съ другой стороны, побѣдилось-ли во мнѣ отчасти эгоистическое чувство собственнаго безпокойства, только путешествіе съ сестрами въ незнакомомъ обществѣ не показалось мнѣ такъ невозможнымъ и тревожнымъ. Это почувствовалъ я, когда мы ѣхали еще на маленькомъ пароходѣ; это чувствовалъ я и потомъ, когда плылъ на большемъ пароходѣ. Всѣ были учтивы другъ съ другомъ. Съ дамами всѣ были до крайности вѣжливы, но въ то же время позволяли себѣ въ ихъ присутствіи лежать съ ногами на диванѣ; точно такъ же лежали и дамы на своихъ диванахъ; была, такъ сказать, дорожная безцеремонность. Если ею не смущаться, если принять это какъ обычай, видѣть, что тутъ нѣтъ и тѣни грубости: тогда ѣзда въ обществѣ (по крайней мѣрѣ въ такомъ, какъ на пароходѣ) была бы пріятна. Стоило только подойти дамѣ къ занятому стулу или дивану, какъ уже мужчина вскакивалъ и уступалъ ей мѣсто; что же касается до разговора, то и между мужчинами онъ былъ таковъ, что его могла бы слушать каждая дѣвушка.

Съ нами ѣхала княгиня Долгорукая, жена этого Банкаля*), съ сыномъ, который преумный и живой 11-ти лѣтній мальчикъ; ѣхалъ Нарышкинъ съ женою (урожденною Долгорукою), ѣхалъ Французскій курьеръ уже немолодой, котораго вы, я думаю, замѣтили еще на пароходѣ, чистѣйшій Французъ, и предобрый. На пароходѣ первый разговоръ: куда вы ѣдете, зачѣмъ? Поэтому пришлось сказать многимъ, что я ѣду лѣчиться. въ томъ числѣ и Французу. Вчера въ вагонѣ, замѣтивъ, что я сижу противъ вѣтра, онъ убѣдилъ меня сѣсть на его мѣсто, а самъ сѣлъ на мое, надѣвъ носовой платокъ себѣ на голову. На пароходѣ подошелъ ко мнѣ (только мы тронулись) одинъ господинъ и спросилъ, знаю ли я Томашевскаго? Я сказалъ, что весьма знаю, и назвалъ Антона Францовича, думая, что объ немъ идетъ рѣчь. Но онъ объявилъ, что онъ говоритъ про Егора Антоныча. Я сказалъ свою фамилію; онъ сказалъ, что знаетъ и Марью Сергѣевну. Оказалось, что это Лихонинъ, тотъ самый, который познакомился съ дядею Аркадіемъ Тимофѣичемъ. Лихонинъ похожъ, какъ двѣ капли воды, на Дмитрія Самозванца. Говоря, онъ давалъ чувствовать, что онъ человѣкъ съ энергіей; но въ то же время изъяслялъ сильное опасеніе касательно морской болѣзни. Только что пароходъ нашъ сталъ плавно качаться, какъ Лихонинъ ужъ ходилъ съ отчаяннымъ лицомъ, и нако-

*) Это Петръ Владимировичъ, извѣстный генеологъ. П. Б.

нецъ скрылся. Морская болѣзнь таки дала ему себя знать. Когда мы двинулись, и капитанъ, и другіе ждали сильнаго вѣтра; но, напротивъ, вѣтеръ стихъ, и погода стала превосходною и теплою; на другой день тоже, такъ что всѣ удивлялись; на третій день, только съ полудня поднялся сильный вѣтеръ, и сдѣлалась качка, которая ночью была даже очень сильна; но нашъ пароходъ „Владимиръ“ твердо лежалъ на волнахъ, и потому на немъ эта качка была только любопытна, но конечно не для всѣхъ; на всякомъ другомъ пароходѣ это была бы не шутка. Когда вѣтеръ (на одинъ часъ только) повернулъ было намъ въ спину, капитанъ велѣлъ распустить всѣ паруса: матросы полѣзли на мачты, и одинъ изъ нихъ былъ сбить распускаемымъ парусомъ и упалъ; къ счастью, онъ катился по веревкамъ и упалъ въ привязанную къ пароходу лодку; онъ ушибся, но, слава Богу, не очень. Еслибъ онъ упалъ въ море, говорить, нельзя было бы (при такихъ волнахъ) спасти его.

Съ нами ѣхалъ одинъ Бразилецъ, совершенно съ особымъ лицомъ; ѣхалъ студентъ Шлецеръ, родной правнукъ знаменитаго Шлецера, по имени Несторъ; наконецъ, ѣхалъ архимандритъ Палладій, человѣкъ весьма умный, жившій долго въ Китаѣ и теперь отправляющійся въ Римъ. Я много говорилъ съ нимъ.

На пароходѣ, зная, что надо много ѣсть и пить вино, я много ѣлъ, хоть и безъ большого аппетита, и взялъ бутылку вина, которую и выпилъ. Я вовсе не былъ боленъ; напротивъ, морской воздухъ, казалось мнѣ, былъ мнѣ полезенъ; я чувствовалъ себя бодрѣе. Въ послѣдній вечеръ на пароходѣ было свѣжо, и я надѣвалъ шубу. Вообще плаваніе наше было весьма благополучное. Таможня Прусская была очень любезна.

Съ Иваномъ говорили мы много. Я очень доволенъ его путешествіемъ: оно принесло уже, и еще принесетъ, большую пользу и вообще, и ему самому. Онъ, можетъ быть, иначе воображалъ употребить это время, уѣзжая; но путешествіе его взяло само собою свое направленіе, и прекрасно: по этой дорогѣ достигается, безъ всякаго исканія, та цѣль внутренняго устраненія самого себя, для которой онъ ѣхалъ. Очень, очень я этимъ доволенъ.

Сейчасъ отъ Траубе; уѣхалъ онъ купаться и будетъ только въ Сентябрь. Мы заѣхали узнать о виноградѣ къ винопродавцу; онъ сказалъ, что чрезъ недѣлю поспѣетъ на Рейнѣ и будетъ отличный. Я рѣшился, соглашаясь съ Иваномъ, въ Прагу не ѣздить, отложивъ это до окончанія леченія: думаю ѣхать вмѣсто того въ Бауценъ къ Смоляру.

Хочется мнѣ на Рейнъ, а не въ Швейцарію; въ Гейдельбергъ думаю поговорить съ Хеліусомъ. Во всякомъ случаѣ, хотѣлось бы на мѣсто, приняться за леченіе и за занятія. Братъ хочетъ, чтобъ я посовѣтовался съ Вальтеромъ въ Дрезденѣ, но я не вижу никакой надобности. Завтра думаемъ въ 7 часовъ утра выѣхать въ Дрезденъ и тамъ исполнить порученіе Голицыной, и въ Бауценъ; оттуда въ Гейдельбергъ посовѣтоваться съ Хеліусомъ и устроиться въ Дюркгеймъ. Думаемъ быть въ Гейдельбергъ дней черезъ шесть или, даже, раньше, а поэтому, милая моя маменька и милыя сестры, пишите въ Гейдельбергъ, *poste restante*.

Это письмо, вѣроятно, уже будете читать вы въ Москвѣ, милая маменька, вмѣстѣ уже со всѣми сестрами. Вполнѣ чувствую и слышу всѣ ваши заботы и все участіе, какими я окруженъ. Я себя очень берегу. Оленькина фуфайка не сходила съ меня всю дорогу и прекрасно меня грѣла. Ночью я прибѣгалъ и къ пледу, былъ употребленъ и шарфъ; но шуба, хотя и была полезна на пароходѣ, чрезвычайно обременяетъ и мѣшаетъ на желѣзной дорогѣ. Погода здѣсь теплая, Купилъ себѣ мыло, ибо въ гостинницѣ не подаютъ.

Прощайте, милая, дражайшая маменька! Ради Бога, себя берегите и не грустите. Помните, что я поѣхалъ за границу для васъ...

Лейпцигъ. 27 Августа.

Вотъ мы и въ Лейпцигѣ... Буду вамъ рассказывать, какъ будто сижу вмѣстѣ съ вами. Я былъ, съ Иваномъ вмѣстѣ, на почтѣ, но писемъ отъ васъ не было; спросивъ корреспондента „Русской Бесѣды“ Вальтера, во сколько времени доходятъ письма изъ Петербурга, я узналъ, что въ недѣлю. Сегодня Суббота. Въ Субботу вы ко мнѣ не писали; въ Воскресеніе вы могли писать, но, пожалуй, почтамтъ не принялъ; если же ваше письмо пошло въ Понедѣльникъ, то оно придетъ не ближе Понедѣльника. Во всякомъ случаѣ, если и получу отъ васъ письмо, оставлю на почтѣ адресъ, куда переслать, еслибъ вы написали ко мнѣ сюда другое письмо. Мнѣ очень хочется поскорѣе отпустить Ивана: онъ, чтобъ меня встрѣтить, бросилъ кой-какія дѣла, а мнѣ не хочется его отрывать. Поэтому, я желалъ бы скорѣе быть на мѣстѣ. Если уѣду отсюда, не дождавшись вашего письма, то получу его около сутокъ позднѣе. Очень бы хотѣлось имѣть объ васъ извѣстіе, милая, дражайшая маменька, и о милыхъ сестрахъ. Я писалъ вамъ недавно изъ Берлина, и вотъ пишу изъ Лейпцига, зная, что вы желаете знать обо мнѣ, какъ можно чаще, и желая самъ сообщать вамъ постоянно все, что вижу и слышу.

Извѣстія, собранныя о виноградѣ, не опредѣленны. Говорятъ, что вѣроятно еще не поспѣлъ вообще, но что небольшая часть его можетъ быть и поспѣла. Совѣтують ѣхать въ Дюркгеймъ, а если тамъ не поспѣлъ виноградъ, то проѣхать въ Веве. Такъ вѣроятно и сдѣлаемъ. Отсюда хотимъ прямо поѣхать въ Гейдельбергъ, а если нельзя, то сперва во Франкфуртъ. Я чувствую себя очень хорошо.

Изъ Берлина мы взяли мѣста во 2-мъ классѣ, который такъ же удобенъ и хорошъ, какъ и 1-й; вся разница въ томъ, что 1-й богаче, вмѣсто сукна обитъ бархатомъ. Здѣсь вагоны не представляютъ этой отвратительной улицы, какъ у насъ; всякой вагонъ есть отдѣльная осьмимѣстная карета, и входъ въ него съ боковъ; въ 1-мъ классѣ всего 6 мѣстъ. Это гораздо лучше. Странное дѣло! Желѣзная дорога здѣсь вовсе не производитъ на меня того впечатлѣнія разрыва со всѣмъ окружающимъ, какое производитъ у насъ Николаевская желѣзная дорога. Стелется она мимо самыхъ луговъ, лѣсовъ и пашень, такъ какъ-то просто, какъ будто своя имъ, большею частію безъ всякихъ рвовъ и канавъ, забирая на пути своемъ всѣ деревни и города, малые и большіе. Желѣзная дорога здѣсь дѣла у себя; а у насъ она—гостья, чужая. Потому она чужая, что только самостоятельность усваиваетъ, дѣлаетъ своимъ, а наша самостоятельность подавлена обезьянствомъ; потому въ разрывѣ желѣзная дорога со всѣмъ окружающимъ, что все, что производитъ, устрояетъ и властвуетъ у насъ, находится въ совершенномъ разрывѣ съ иностраню, съ народомъ. Но это огромный вопросъ; оставляю его пока въ сторонѣ. Мы сидѣли съ Иваномъ въ вагонѣ почти одни, и прекрасно доѣхали до Дрездена. Въ Дрезденѣ мы остановились на пять часовъ только, и остались на желѣзной дорогѣ, не заходя въ гостиницу; черезъ часъ шелъ поѣздъ въ Бауценъ....

Въ Бауценѣ пріѣхали вечеромъ. Городъ весьма оригиналенъ и красивъ; это какъ бы губернской, если не уѣздный городъ. Гостиница стараго покроя, простая, но въ ней какъ-то свободнѣе. Рано утромъ пошли мы къ Смоляру, который намъ очень обрадовался... Получивъ отъ Ивана обо мнѣ телеграфическій вопросъ, онъ тоже рассыпалъ телеграммы въ разныя стороны, отыскивая меня. Ивану онъ не отвѣчалъ, потому что не зналъ его адреса. Мы поѣхали съ Смоляромъ въ Лужицкую деревню, Бонневицъ, къ зажиточному крестьянину; но это уже не только зажиточность, а богатство: великолѣпный каменный домъ, золотые карманные часы на окнѣ, фортепьяно и проч. Хозяинъ—Лужичанинъ, широкъ и плотенъ необыкновенно; онъ принялъ насъ радушно; кой-какъ мы объяснились другъ съ другомъ; но черезъ недѣлю или двѣ понимали бы одинъ другаго отлично. Съ нами по-

знакомился еще Лужичанинъ, Горникъ. Смоляръ очень хвалитъ мою грамматику... Въ тотъ же день мы уѣхали изъ Бауцена, прямо въ Лейпцигъ. Смоляръ и Горникъ насъ провожали. Мы поѣхали въ 1-мъ классѣ: боялись тѣсноты, а разница въ цѣнѣ, по малости разстоянія, была не велика. Но какое впечатлѣніе производитъ на окружающихъ билетъ въ 1-мъ классѣ!—Изъ Бауцена мы пріѣхали прямо въ Лейпцигъ; были сегодня у Вагнера, который сказалъ мнѣ, что я извѣстный писатель и расхваливалъ Луповицкаго. Оставляю здѣсь шубу: она теперь не нужна.

Гейдельбергъ.

Мнѣ такъ было жаль, что я согласился съ братомъ Иваномъ и не поѣхалъ въ Прагу, такъ жаль, что я почти рѣшился, не смотря даже на трату времени и денегъ (ибо пришлось бы опять возвращаться въ Дрезденъ) ѣхать въ Прагу; но меня остановило то, что въ Прагу не было прямого поѣзда до поздняго вечера, и такимъ образомъ, пришлось бы цѣлый день провести въ Лейпцигѣ. Дѣлать нечего: я рѣшился продолжать путешествіе, и мы отправились прямо во Франкфуртъ (часовъ около 12-ти ѣзды). Поѣздка наша была весьма благополучна; мы ѣхали во второмъ классѣ, въ осьмимѣстномъ вагонѣ, въ которомъ сидѣло насъ пять человѣкъ, въ томъ числѣ двое молодыхъ, высокихъ, статныхъ Нѣмцевъ, хорошаго Германскаго типа. Вообще до сихъ поръ я вижу большую взаимную учтивость между проѣзжающими. Во Франкфуртъ пріѣхали мы поздно, переночевали и сегодня отправились въ Гейдельбергъ. По дорогѣ я разспрашивалъ о виноградѣ, и всѣ извѣстія были самыя невыгодныя; одинъ важный Берлинецъ Прусакъ, не удостоивавшій и разговаривать съ другими Нѣмцами, *не-Прусакими*, говорилъ мнѣ, что нечего и думать о виноградномъ леченіи на нынѣшній годъ. Этотъ Прусакъ превозносилъ до небесъ Траубе, говоря, что онъ единственный медикъ для грудныхъ болѣзней, вылечилъ его сына, и имѣетъ Европейскую знаменитость, и пр... Въ Гейдельбергъ мы ѣхали все съ дамами, то съ Нѣмками, то съ Англичанками, такъ что Иванъ не курилъ. Желѣзная дорога въ Кассель становится черезъ-чуръ по домашнему; вагоны, ѣдучи по ровному мѣсту, то качнутся на одинъ бокъ, то на другой, точно по косягору; это значить, что то съ одной, то съ другой стороны рельсы опустились. Но сегодня, во владѣніяхъ Дармштадскихъ, дорога опять шла, какъ слѣдуетъ... Пріѣхавъ въ Гейдельбергъ, мы послали узнать о Хеліусѣ. Я не совѣтовался съ Вальтеромъ въ Дрезденѣ, думая именно, что необходимо посоветоваться съ Хеліусомъ о виноградѣ, а между тѣмъ, хозяинъ нашей гостиницы, человѣкъ, кажется, дѣльный, сказалъ намъ, что виноградъ не спѣлъ и кисель, что виноградное леченіе бу-

дети открыто въ Дюркгеймѣ 25 Сентября, т. е. 13, а у насъ сегодня 25 Августа, и такъ чрезъ двѣ недѣли! *Будетъ открыто*, прибавилъ хозяинъ, а каково оно будетъ, это другой вопросъ; виноградъ конечно созрѣетъ, но онъ можетъ быть кисель, и тогда вмѣсто пользы можетъ сдѣлать вредъ. Слова хозяина были весьма дѣльны; я вспомнилъ опасенія Варвинскаго. Ну, если скажутъ мнѣ: „не можетъ быть нынѣшній годъ винограднаго леченья,“—тогда, захавши къ Славянамъ, конечно слѣдуетъ немедленно возвращаться въ Россію. Я спрашивалъ хозяина о Швейцаріи. Онъ говорилъ, что и тамъ вѣроятно то же и что воздухъ Швейцаріи очень острѣ. Хеліуса въ Гейдельбергѣ не оказалось; онъ уѣхалъ въ Баденъ. Мы спросили: какая есть въ Гейдельбергѣ медицинская знаменитость? Намъ назвали Поссельта. Иванъ слышалъ объ немъ; мнѣ кажется даже, что Варвинскій говорилъ объ немъ. Явился Поссельтъ, важный, серьезный старикъ; онъ прочелъ описаніе Варвинскаго, разспросилъ меня и началъ меня стучать, слушать и осматривать крайне внимательно и съ такими подробностями, съ которыми меня еще не осматривали. Наконецъ онъ сказалъ, что прежняго здоровья я не возвращу, но что могу быть все-таки здоровъ, наблюдая при томъ осторожность, что я буду *einseitig* (односторонній, однобокій), но что это ничего. Нашелъ онъ, впрочемъ, всю причину болѣзни въ сердцѣ. Касательно винограднаго леченья онъ сказалъ, что оно хорошо, какъ послѣдующее леченіе *Nach-cur*, а что теперь немедля долженъ я ѣхать въ Соденъ, пить тамъ воды до тѣхъ поръ, пока созрѣетъ виноградъ, то есть недѣли три, а потомъ взять курсъ винограднаго леченья; теперь же, прибавилъ онъ, лечиться виноградомъ была бы глупость. Поссельтъ ушелъ, и мы стали обдумывать дѣло. Иванъ убѣждалъ меня ѣхать въ Соденъ уже и потому, что виноградомъ пользоваться нельзя; но я, обдумавши дѣло, не соглашаюсь. Цѣль моей поѣздки за границу вовсе не была совѣтоваться съ докторами, въ противномъ случаѣ я бы обратился къ тѣмъ, которые по извѣстіи Поссельта, въ Берлинѣ, въ Дрезденѣ, Вѣнѣ. Къ Траубе заѣзжалъ я потому, что графиня Салиасъ дала мнѣ письмо, котораго нельзя было не отвезти. Поссельтъ, надо сказать, внушаетъ довѣріе, но на одномъ впечатлѣніи основываться нельзя. Вдругъ я измѣню весь планъ леченія оттого, что неизвѣстный мнѣ докторъ посоветуетъ по своему: не будетъ-ли это своего рода легкомысліе? Особенно, когда я вовсе не съ этою цѣлію ѣхалъ за границу, и когда даже Поссельтъ нашелъ дыханіе у меня лучше, нежели какъ пишетъ Варвинскій въ своемъ Латинскомъ описаніи. Я просилъ Ивана собрать свѣдѣнія о Поссельтѣ; Иванъ былъ у Маркевича*), видѣлъ у него много Русскихъ,

*) Аван. Ив. Маркевичъ, издатель Сборника Малороссійскихъ пословицъ, мужъ писательницы Марко Вовчокъ. Онъ скончался нѣсколько лѣтъ тому назадъ. П. А.

всѣ они противъ Поссельта и рекомендуютъ Фридберга, съ которымъ, конечно, я совѣтоваться не буду; надобно имѣть хотя какія нибудь данныя, а ихъ слишкомъ мало. Въ Германіи докторовъ много, не со всѣми же совѣтоваться. Я думаю, что изъ словъ Поссельта, можно вывести одно: что виноградъ не поспѣлъ, и что теперь леченія начинать (въ Дюркгеймѣ по крайней мѣрѣ) нельзя; а въ Соденѣ ѣхать не для чего. Иванъ со мною согласился, и мы, согласно съ принятымъ планомъ, рѣшились обратиться къ Швейцаріи. Ѣхать туда, и можетъ быть, понапрасну, было бы дорого, а поэтому думаемъ спросить доктора Curchod по телеграфу о виноградѣ. Вы видите, какъ забочусь я о себѣ, какъ благоразумно все обдумываю; одѣваюсь я очень тепло. Иванъ заботится обо мнѣ, и беретъ на себя всѣ хлопоты; онъ и опытенъ. Я не былъ за границею 22 года и многое забылъ, а кой-что перемѣнилось. Въ Лейпцигѣ ночью студенты у самыхъ нашихъ оконъ пѣли во все горло хоромъ на улицѣ, а потомъ во все горло хоромъ хохотали. Я было думалъ устроиться въ Дюркгеймѣ, но судьба мѣшаетъ.—Сегодня вышедши, чтобъ починить себѣ часы, у которыхъ вывалился шпенекъ, я зашелъ къ хлѣбнику, въ кондитерскую и купилъ себѣ печенья, мнѣ захотѣлось какъ-то сладкаго; помадка еще у меня продолжается; хлѣбъ здѣсь отлично выпеченъ, но мука не хороша. Кюрхо или Кюршо пишетъ, что виноградное леченіе *начнется только* въ концѣ Сентября: итакъ надобно ждать по меньшей мѣрѣ двѣ недѣли. Теперь предстоитъ вопросъ: что дѣлать? Жить въ Гейдельбергѣ двѣ недѣли не имѣетъ смысла, какъ скоро принято намѣреніе ѣхать въ Швейцарію лечиться виноградомъ. Жить въ гостинницѣ крайне дорого, дороже чѣмъ ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ; устроиваться на двѣ недѣли въ особой квартирѣ не стоитъ, особенно, когда придется опять устроиваться въ Веве, къ тому же погода здѣсь, какъ и во всей Германіи, гдѣ я былъ, скверная. И такъ, по нашему мнѣнію, два рѣшенія могутъ имѣть смыслъ: или ѣхать сейчасъ въ Веве, устроиться и дожидаться начала винограднаго леченія, или ѣхать въ Вѣну, гдѣ доктора могутъ указать мнѣ виноградъ гдѣ-нибудь въ Австріи; въ Австріи погода была хорошая, виноградъ вѣроятно хорошъ; во всякомъ случаѣ о его достоинствѣ скажутъ Вѣнскіе доктора, которые, какъ слышалъ Иванъ, если назначаютъ виноградное леченіе, то посылаютъ имъ лечиться въ самой Австріи; итакъ, слѣдовательно, это возможно. Но еслибы даже рѣшили въ Вѣнѣ, чтобъ я ѣхалъ въ Веве, то и тогда поѣздка эта въ Австрію была бы не лишняя: эти двѣ недѣли я бы употребилъ не безъ пользы, былъ бы и въ Мюнхенѣ проѣздомъ, гдѣ на Нѣмецкій языкъ переводятся мои статьи, и вообще поѣздка эта

имѣть смыслъ. Потомъ Иванъ могъ бы меня въ Вѣнѣ оставить на нѣкоторое время. Не знаю, успѣлъ ли бы я съѣздить въ Прагу, куда мнѣ весьма хочется. Итакъ вотъ два рѣшенія. Сами еще не знаемъ, какое выберемъ. Кажется мнѣ, что я ужъ давно за границую, и такъ странно, какъ вспомнишь, что всего недѣля. Желѣзныя дороги много измѣнили условія, видъ и духъ путешествія. Тютчевъ, который встрѣтился со мною съ большимъ чувствомъ и участіемъ, тоже поѣдетъ въ Женеву на виноградное леченье.

Вѣна, 3 Сентября.

Слава Богу! Наконецъ получили отъ васъ письмо. Очень важны извѣстія, сообщаемыя вами, милая маменька. Здѣсь носятъ слухи о нашемъ союзѣ съ Австріею. Союзъ нашъ съ Австріею (если это правда), есть горестное событіе для Россіи и для всего Славянскаго міра. Но это событіе все не остановитъ хода исторіи, который приметъ только, можетъ быть иной, путь. Впрочемъ, это вопросъ огромный и глубокій; объ немъ говорить надо много. Мы пріѣхали въ Мюнхенъ поздно, останавливались въ *Hotel Maulick*, гдѣ, говорятъ, останавливаются всѣ Русскіе. На другой день братъ пошелъ къ Боденштедту, и скоро Боденштедтъ явился къ намъ самъ (Иванъ сказалъ ему, что для меня всходить на лѣстницы не годится). Иванъ у него обѣдалъ. Вечеромъ былъ Боденштедтъ*) опять и сидѣлъ у насъ долго. Онъ человѣкъ не безъ таланта, не глупый, но многое ему недоступно или не вполне доступно. Чрезвычайно хвалитъ моего Луповицкаго, перевелъ между прочимъ и статью мою о литературѣ, говорилъ о томъ, какой успѣхъ имѣли въ Германіи Отесенькины сочиненія. Его жена, о которой онъ любитъ упоминать, прочитывала нѣсколько разъ сочиненія Отесеньки въ Нѣмецкомъ переводѣ. Мы говорили съ Боденштедтомъ также о Германской литературѣ и наукѣ; я спрашивалъ его о состояніи философіи въ Германіи, говорилъ о жалкомъ паденіи Германской мысли; онъ говоритъ, что теперь совершается поворотъ, что теперь опять

*) Извѣстный талантливый переводчикъ Пушкина, Фр. Боденштедтъ, занимался въ то время переводомъ нѣкоторыхъ статей изъ Русской Бесѣды и отрывковъ изъ другихъ „Славянофильскихъ“ сочиненій, съ цѣлью ознакомить Германскую публику съ „Славянофильскимъ“ направлениемъ. Эти переводы были потомъ изданы имъ въ видѣ особаго сборника, подъ заглавіемъ „Fragmente“ въ двухъ частяхъ. Тамъ же, въ Мюнхенѣ, по распоряженію моему и подъ руководствомъ Боденштедта, переводилось ученикомъ его, Баварскимъ офицеромъ Шмидтомъ (который перевелъ и Исторію Суворовскаго похода въ Италію, Милютнна) „Введеніе въ Грамматику“ К. С. Аксакова изъ его 1-го выпуска Грамматики, вышедшаго въ свѣтъ предъ отъѣздомъ его за границу. И. А.

обращаются къ Гегелю, слѣдовательно къ строгости философской мысли, и указалъ мнѣ на сочиненія по этой части. Боденштедтъ просидѣлъ бы долго, но ушелъ потому, что намъ надо было вставать на другой день въ 5 часовъ. Онъ очень просилъ меня непремѣнно быть у него, если я поѣду черезъ Мюнхенъ. Я никого изъ ученыхъ Нѣмецкихъ до сихъ поръ не видалъ, и потому уже, что остаюсь вездѣ очень короткое время, да и потому, что они всѣ большею частію въ отсутствіи. Боденштедтъ совѣтовалъ мнѣ быть у Боппа, говоря, что онъ совершенный дитя, добродушный, и будетъ очень радъ говорить со мною о грамматикѣ; но для этого надобно въ Берлинъ ѣхать. Онъ указалъ мнѣ на другихъ профессоровъ, филологовъ и философовъ, съ которыми не худо было бы повидаться; но города ихъ не совсѣмъ по дорогѣ. Я уже объяснилъ вамъ причины, почему мы рѣшились ѣхать въ Вѣну. Наканунѣ я было совершенно рѣшился ѣхать въ Веве, но, „утро вечера мудренѣе“, и утромъ на другой день, поговоривъ хорошенько, мы съ Иваномъ рѣшились ѣхать въ Вѣну. Важною для меня причиною, въ числѣ другихъ, было то, что Ивану нужно было быть въ Вѣнѣ, что поѣздка въ Веве весьма отдаляла эту возможность и что Иванъ, когда бы я устроился въ Веве, хотѣлъ сѣздить въ Вѣну и опять вернуться. Поѣздкою нашею въ Вѣну это неудобство устранялось, и сверхъ того не пропадали даромъ свободныя двѣ недѣли, которыя, въ противномъ случаѣ, пришлось бы прожить здѣсь, послѣ леченія, если хотѣтъ видѣть Вѣну и Прагу. Теперь же послѣ леченія я могу не мѣшкать своимъ возвратомъ. Но я опять не знаю, куда мнѣ ѣхать на виноградъ: если виноградъ поспѣетъ, то почему не ѣхать въ Дюркгеймъ, какъ я хотѣлъ? Не вижу надобности совѣтоваться съ здѣшними докторами, ибо совѣтамъ ихъ я слѣдовать не имѣю намѣренія. Говорятъ здѣшніе Русскіе, что Нѣмецкіе доктора такого или другаго города посылаютъ на такія или другія воды, смотря по городу, гдѣ живутъ. Очень бы хорошо, еслибъ можно было лечиться виноградомъ здѣсь въ Австріи. Про это надобно бы спросить здѣшнихъ докторовъ. Въ Германіи, съ самаго моего пріѣзда, я еще не видалъ теплаго дня; все продолжается стужа, но въ Австріи теплѣе, какъ и все лѣто было. Крѣпокъ Русскій человекъ заднимъ умомъ! Чего бы лучше прямо изъ Дрездена поѣхать въ Прагу и въ Вѣну, и оттуда спросить по телеграфу Хеліуса въ Гейдельбергъ и Кюршо въ Веве: поспѣлъ ли виноградъ? Были бы сбережены и время и деньги, не было бы сдѣлано ненужной дороги, и мое желаніе быть въ Прагѣ было бы удовлетворено; но догадались мы только теперь... Пока я писалъ къ вамъ письмо, приходилъ къ Ивану Славянинъ-Хорватъ, но не засталъ его дома; онъ познакомился со мною, и мы съ нимъ весьма дружески потолковали.

Что вамъ сказать о Вѣнѣ? Матеріальная сторона этого города бросается въ глаза; какія мостовыя, какая чистота улицъ, сколько магазиновъ! Но есть какая-то своя оригинальность: улицы крайне узки. Сегодня, пришедши за письмами на почту, я долженъ былъ дожидаться, вмѣстѣ съ другими, пока почту отворять, и говорилъ съ однимъ Нѣмцемъ. Молодой человѣкъ съ усами и бородой, тутъ же стоявшій и догадавшійся, что я не Нѣмецъ, спросилъ меня, не Полякъ ли я? Я отвѣчалъ, что я Русскій изъ Москвы. А вы? спросилъ я его въ свою очередь. „Я Полякъ изъ Варшавы“, отвѣчалъ онъ. Я протянулъ ему руку. Вы можете говорить по-русски, сказалъ Полякъ. Оказалось, что онъ по-русски говорить. Мы стали говорить по-русски, какъ заговорилъ, на весьма близкомъ къ Русскому нарѣчію, отставной служивый съ крестами. Вы откуда? спросилъ я его. Я изъ Галиціи, отвѣчалъ онъ, Русинъ. Такъ вотъ насъ три Славянина, сказалъ я. Такія встрѣчи возможны здѣсь; онъ очень краснорѣчивъ.

Вышедши на улицу, я встрѣтилъ Ивана, который былъ въ Сафееhaus, гдѣ читалъ газеты. Неаполитанское королевство въ волненіи. Пиемонтъ вступилъ въ Папскія владѣнія. Все это вамъ уже конечно извѣстно. Мы походили съ Иваномъ по улицамъ, встрѣтили Гагарина, съ которымъ познакомилъ меня Иванъ; это племянникъ нашего посла Балабина, *attaché à l'ambassade*¹⁾; онъ мнѣ очень понравился.... Вернувшись, мы пообѣдали *à la carte*: все ужасно дорого, каждый кусокъ хлѣба считаютъ. Вѣна мнѣ не нравится. Движенія на улицахъ множество, но только движенія. Часто съ Иваномъ говоримъ мы о Славянахъ; это наводитъ на самыя глубокіе вопросы; но объ этомъ лучше при свиданіи. Я радъ, что Иванъ не увлекся внѣшнимъ проявленіемъ жизни. Вчера вечеромъ помѣшалъ мнѣ писать Раевскій²⁾. Мы познакомились; онъ очень хорошій, добрый и живой человѣкъ; мы сидѣли предолго... все вдвоемъ: Ивана не было дома, онъ пошелъ читать газеты, встрѣтилъ Рубинштейна и зашелъ въ театръ. Когда поближе знакомишься съ Вѣной, то видишь мелочность проступающую отовсюду; видишь, что даже и матеріальное совершенство больше обманъ, наружность. Въ гостинницахъ только озадачиваютъ видомъ комнатъ, и притомъ, на каждомъ шагу вамъ лгутъ, обѣщаютъ и не дѣлаютъ, надуютъ, пробуютъ обчитать васъ на мелочахъ. Здѣсь выражается тотъ же духъ мошенничества, который одушевляетъ всю Австрійскую политику, какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю...

¹⁾ Обоихъ, и Балабина, и Гагарина уже нѣтъ въ живыхъ. И. А.

²⁾ Протоіерей при посольской церкви въ Вѣнѣ, Михайлъ Ѳеодоровичъ. И. А.

Сегодня Воскресенье. Въ 11 часовъ у насъ обѣдня въ посольской церкви... Здѣсь Воскресенье соблюдается въ торговомъ и рабочемъ отношеніи, кажется, строже, чѣмъ у насъ; но это ничего не доказываетъ. Если особенныхъ дѣлъ въ Вѣнѣ не будетъ, то, кажется, нечего здѣсь долго оставаться; но когда подойдетъ срокъ винограднаго леченья, не знаю, куда ѣхать. Въ Швейцарію или на Рейнъ? Въ Дюркгеймъ тоже виноградъ поспѣетъ. Кюршд пишетъ, что можно пользоваться виноградомъ и нынѣшній годъ, но съ выборомъ. Итакъ, кто же будетъ выбирать? Вѣроятно Кюршд разумѣетъ себя. Если ему вѣрить—надобно къ нему ѣхать; но въ Швейцаріи бездна всякихъ путешественниковъ и Русскихъ въ томъ числѣ. Найду ли я себѣ тамъ уединенное помѣщеніе? Къ тому же, изъ Дюркгейма я могъ бы иногда пріѣзжать повидаться съ Нѣмецкими профессорами. Но что и говорить? Какъ леченье собственно, Вевѣ выдается противъ другихъ мѣстъ съ своимъ Кюршд, быть можетъ потому, что мы читали его брошюру... Какой дорогою возвращаться въ Россію, объ этомъ тоже думаю, но это еще впереди.

Очень благодаренъ добрымъ друзьямъ за вниманіе. А. М.—такой человѣкъ, о которомъ и говорить нечего¹⁾.

Прага, 12 Сентября.

Вотъ я наконецъ и въ Прагѣ. Въ это время я успѣлъ много видѣть, такъ много, что едва ли что-нибудь новое могло бы мнѣ представить дальнѣйшее путешествіе по Австрійскому пространству, развѣ въ частности и подробностяхъ. Прежде нежели вѣхали мы въ Австрію, толковали мы много съ Иваномъ о Славянахъ. Онъ сомнѣвался въ состоятельности Славянъ Австрійскихъ и говорилъ, что не составляетъ ли Австрія для нихъ самихъ, по ихъ собственному внутреннему требованію, необходимости для ихъ существованія²⁾, и что нѣтъ ли между ними и Австріею исторической связи? (онъ исключалъ отсюда Русиновъ). Онъ говорилъ, что умъ, что логика требуютъ другаго, но что непосредственное впечатлѣніе таково, и что особенность и даже историческія преданія племенъ Славянскихъ не отвѣчаютъ простымъ требованіямъ ума; что, однимъ словомъ, ему себѣ, безъ Австріи, Австрійскихъ Славянъ представить трудно, и что весь вопросъ славянства въ рукахъ Россіи. Я соглашался съ его очень вѣрными заключеніями и, вспоминая Русскую пословицу: *снопъ безъ прясла—солома*, думалъ, что не есть ли ужъ Австрія—прясло (поясъ, связь) для Славянъ. Иванъ желалъ знать, какое впечатлѣніе произведетъ на меня Вѣна: произведетъ ли она на меня впечатлѣніе, какъ нѣчто такое, что осуждено пасть, разрушиться. (Ему этого не кажется).

¹⁾ Кто это, не знаемъ. П. Б.

²⁾ Тоже говорилъ мнѣ въ 1858 г. Шафарикъ. П. Б.

Мы приѣхали въ Вѣну и провели въ ней почти недѣлю. Впечатлѣніе, произведенное на меня Вѣною, было иное; она явилась мнѣ беззаконностью, которая не можетъ оставаться; въ ней точно встрѣчаются всѣ возможные наружности, но это не связь этихъ народностей. Эта *встрѣча* народностей въ Вѣнѣ—беззаконна, насильственна: это чувствуешь и разумѣешь. Слышишь всевозможные языки и нарѣчія, и вдругъ всѣ эти языки и нарѣчія, при малѣйшей встрѣчѣ съ официальною властью, съ иностранцемъ, даже съ другою народностью, исчезаютъ и замѣняются языкомъ Нѣмецкимъ. *Господство Нѣмецкаго элемента ощутительно, осязательно на каждомъ шагу, и—невыносимо.* Это противорѣчіе, эта беззаконность оставаться не можетъ. Этотъ гнетъ Нѣмецкій чувствовалъ я въ Австріи на себѣ самомъ, съ каждымъ Русинимъ, Хорватомъ, Словакомъ. Нѣтъ, Австрія и славянство вмѣстѣ существовать не могутъ. Тутъ не можетъ быть иного вывода: или Славяне должны германизироваться, что теперь, я думаю, невозможно, ибо идея и сознаніе народности пробуждены, или владычество Австріи надъ Славянами должно пасть. Такъ какъ первое, по моему мнѣнію, невозможно: то второе, слѣдовательно, хотя и трудно, но необходимо. Тѣмъ не менѣе замѣчанія Ивана о Славянахъ вполнѣ справедливы: они (Славяне) опираются здѣсь всею своею силою, или лучше слабостью, на Австрійское единство, и не одни Славяне. Мы купили брошюрку, написанную Румыномъ, который громко, рѣзко требуетъ народности, совершенно самостоятельной, но политическую связь видитъ въ Австріи, и поэтому признаетъ господство Нѣмецкаго языка. Ошибка состоитъ въ томъ, что, при этомъ господствѣ, народность ужиться не можетъ и должна германизироваться. Не того хотятъ Русины. Нѣтъ, имъ мало этой народности; они не хотятъ Австрійскаго владычества; у нихъ есть политическое могущество, есть свое государство, куда устремлены постоянно ихъ взгляды: это Россія. Они даже обижаются, когда ихъ называютъ Русинами, ибо они себя зовутъ просто Русскими. Но какъ бы то ни было, какъ бы ни были частію робки Австрійскіе Славяне, частію связаны историческими преданіями съ Западомъ, сознаніе народности пробуждено; не съ тѣмъ же оно возникло съ большою силою, чтобъ пасть: оно должно побѣдить. Безъ Россіи, отъ Австріи Славяне едва ли могутъ освободиться, пока не освободятся отъ нея *въ духъ*. А и это безъ помощи Россіи, безъ помощи нашей Москвы, гдѣ совершается величайшее изъ освобожденій,—освобожденіе духа,—едва ли возможно. Славяне, просвѣщенные, сами могутъ быть того не видятъ, и имъ Нѣмецкій элементъ любезенъ, и они горды имъ, какъ грамотою на дворянство. Но слѣдовательно должно признать превосходство Германскаго элемента надъ Славянскимъ: вопросъ, кото-

рый и предложилъ мнѣ Иванъ. Ничуть. Для тѣхъ Славянъ, которые отступили отъ своего Славянскаго элемента, Германскій элементъ всегда будетъ силенъ и побѣдоносенъ. Славянинъ, на Нѣмецкой дорогѣ, всегда будетъ побитъ Нѣмцемъ. Вотъ и разгадка исторіи славянства. Только одинъ народъ не отступилъ отъ Славянскихъ началъ—народъ Русскій, и онъ одинъ могущественъ, и ему предлежитъ будущее; ему уступить Нѣмецъ и весь Западъ, уступить во всѣхъ отношеніяхъ. Но эти Славянскія начала такъ высоки, такъ чисты, такъ дышать свободою, что удержаться на нихъ трудно. А тѣмъ не менѣе это необходимо для Славянина. Нѣмецъ, и вообще Западъ, другое дѣло. Нѣмецъ побѣдитъ и съ *ирьхомъ* пополамъ, и со всякою неправдою,—надѣлаеть много знаменитыхъ, даже великихъ дѣлъ; а Славянинъ не то. Ему съ *ирьхомъ* пополамъ *нельзя* побѣдить, нельзя сдѣлать ничего прочнаго и великаго. Требованія, къ нему обращенныя, несравненно выше и труднѣе, чѣмъ отъ Западнаго человѣка; отступя отъ нихъ и ставъ на одну доску съ Нѣмцемъ, онъ сейчасъ становится ниже Нѣмца. Принимая на себя размѣры и задачи Нѣмца,—болѣе легкіе, чѣмъ размѣры и задачи Славянскія (кажется это бы легче), онъ становится напротивъ слабѣе Нѣмца. Такъ и должно быть.

Иванъ поѣхалъ на одинъ день въ Лейпцигъ; ему нужно.

...Но я все пишу вамъ только общія мысли, общіе выводы путешествія; я знаю, что для васъ это также занимательно, но не знаю, разберете ли вы?... Много увидалъ я; еще болѣе уяснились для меня и подтвердились основныя мои мысли и даже цѣлыя предположенія,—и какъ еще, если возможно, выше сталъ Русскій народъ! Но теперь, оставляя въ сторонѣ общіе выводы, я обращаюсь къ исторіи нашего путешествія... Въ тотъ же день, какъ мы пріѣхали, былъ у насъ Раевскій, и одинъ Хорватъ. Раевскій, вопреки предубѣжденію, которое я противъ него имѣлъ, мнѣ очень понравился. Онъ истинно добрый, простой человѣкъ, совершенно Русскаго склада, но только неглубокаго ума. Я разговорился съ нимъ о православныхъ церквахъ, сказалъ о церковныхъ вещахъ, данныхъ мнѣ Карцовымъ*), о томъ, что ѣхать въ Далмацію для меня затруднительно. Онъ сказалъ мнѣ, что недалеко отъ Вѣны, часовъ 6—7 ѣзды по желѣзной дорогѣ, въ городѣ Мадьярскомъ, Гранѣ, есть бѣдная православная церковь, которой не откуда ждать помощи: прихожанъ всего человѣкъ тридцать. Я рѣшился туда съѣздить, и если найду, что церковь такова, что можно туда дать приношенія, то и отдать. На другой день, то есть въ Воскресенье, былъ

*) Передъ отъѣздомъ К. С. за границу, пріѣхалъ къ нему неизвѣстный ему дотогѣ г. Карцовъ и привезъ церковную утварь и облаченіе, съ просьбой передать это бѣднѣйшей изъ православныхъ церквей между Славянами. И. А.

я у обѣдни въ нашей церкви. Были Сербы, былъ вчерашній Хорватъ-католикъ и всю нашу обѣдню и Вѣрую говорилъ наизусть; были Уніаты-Русины, были даже католики. Послѣ обѣдни Иванъ познакомилъ меня съ нашимъ посланникомъ, Балабинымъ. Это такой превосходный человѣкъ, такой искренній Русской и Славянинъ, какого другаго желать нельзя. Великое счастье для Россіи, что онъ посланникъ при Австрійскомъ дворѣ *). Притомъ, это человѣкъ умный и понимающій свое назначеніе и значеніе. Я еще прежде слышалъ это все отъ Ивана и потомъ самъ убѣдился въ мое пребываніе въ Вѣнѣ. Онъ сказалъ, что надѣется насъ увидѣть и собирался первый сдѣлать намъ визитъ; но мы его предупредили; потомъ онъ былъ у насъ. Съ нимъ живетъ его племянникъ, князь Гагаринъ, добрыйшій и милый молодой человѣкъ, исполненный живѣйшаго интереса ко всѣмъ общимъ вопросамъ, ко всѣмъ задачамъ исторической жизни, читатель и почитатель Русской Бесѣды... Онъ даже прочелъ мою критику на Буслаева. Послѣ этого, я подарилъ ему мою Грамматику, что было ему истинно пріятно. Послѣ обѣдни, Раевской позвалъ насъ къ себѣ пить чай. Тутъ познакомился я съ его зятемъ, священникомъ нашимъ въ Сандonato, гдѣ Демидовъ выстроилъ Русскую церковь; это умный, энергическій молодой человѣкъ; онъ товарищъ П. А. Преображенскаго; зовутъ его Платонъ Петровичъ. Онъ читалъ Луповицкаго и горячо сочувствуетъ взглядамъ, тамъ высказаннымъ, именно старостою о благотворительности.

Въ Вѣнѣ улицы замѣчательно узки, и по нимъ ходитъ множество людей. Здѣсь и Нѣмцы, и Хорваты, и Словаки, и Русины, и Румыны, и Мадыре и *прочія народности—Австрійской имперіи*; здѣсь и православные, и уніаты, и католики и протестанты. Теперь здѣсь идетъ Государственный Совѣтъ, Reichsrath, но это все чистое надувательство Австрійское. Въ этомъ совѣтѣ есть и православные епископы. Сербскаго весьма не хвалятъ, а Румынскаго, барона Шагуну, хвалятъ. Онъ и Петринѣ спорятъ противъ Нѣмцевъ, возражаютъ въ этомъ Совѣтѣ; но чуть дѣло становится серьезно, то министръ объявляетъ, что это переходитъ за предѣлы власти

*) Онъ не долго имъ остался. Быть въ Вѣнѣ искуснымъ и вѣрнымъ представителемъ только политики Русскаго кабинета, и въ то же время, по неволѣ, неизбежно, въ глазахъ огромнаго большинства населенія Австрійской Имперіи (Славянскаго) почитаться представителемъ всѣхъ Русскихъ національныхъ стремленій и симпатій—это такое трудное, фальшивое положеніе, котораго ни одинъ нашъ посланникъ, изъ коренныхъ Русскихъ, долго не выдерживаетъ безъ ущерба для своего здоровья. Балабинъ заболѣлъ такимъ разстройствомъ нервовъ, которое не только заставило его покинуть службу, но и скоро за тѣмъ свело его въ могилу, равно какъ и племянника его, кн. Гагарина. Болѣзнь послѣдняго выразилась, наконецъ, въ томъ, что онъ, и по переѣздѣ въ Москву, видѣлъ всюду Австрійское шпионство, козни и интриги. И. А.

Совѣта. Мадьяръ очень много въ Вѣнѣ, ходятъ они въ своемъ національномъ, но не красивомъ и не очень отличительномъ костюмѣ, весьма свободно и самодовольно. Мы познакомились въ Вѣнѣ со многими Славянами; большую часть изъ нихъ Иванъ уже зналъ прежде. Въ особенности понравились мнѣ Русины. Я очень жалѣлъ, что не взялъ съ собою побольше экземпляровъ Молвы, драмы и др. своихъ отдѣльныхъ сочиненій. Какая жажда Русскихъ книгъ! Тутъ былъ тотъ, который выписалъ, но не получилъ Молву, и которому далъ её Иванъ. Какъ онъ ея доволенъ! Въ Вѣнѣ былъ я и у Миклошича въ библиотекѣ; на другой день онъ отдалъ мнѣ визитъ. Про него ходятъ очень недобрые слухи; самъ онъ смотритъ плутомъ; и я, кое-что про него услышавъ, жалѣлъ, что былъ у него. Наконецъ, узнавъ многихъ и многое въ Вѣнѣ, я сталъ собираться въ Грань. Дѣла Ивана устроились такъ, что и онъ могъ ѣхать, и мы отправились.

Приѣхавъ въ Грань, мы съ братомъ, прежде всего, еще дорогою, были охвачены мадьяризмомъ; на станціяхъ, всюду Мадьярская одежда на мужчинахъ и женщинахъ, и дикіе Мадьярскіе звуки, и Мадьярскія выразительныя фигуры. Въ Гранѣ даже вывѣски на Мадьярскомъ языкѣ. Мы остановились въ гостинницѣ, гдѣ хозяинъ тоже Мадьяръ. Отдохнувъ немного, мы сошли, чтобъ что-нибудь съѣсть въ обѣденную залу. Тамъ, за большимъ столомъ, сидѣло человекъ тридцать или больше Мадьяръ, и раздавались громкія рѣчи и крики. Какъ только мы взошли, все на минуту примолкло, и глаза всѣхъ обратились на насъ; мы сѣли подлѣ, за особый столикъ. Скоро громкія рѣчи и крики начались снова и еще сильнѣе; множество бутылокъ опорожнялось; очевидно, что мы попали на обѣдъ съ политическимъ значеніемъ. И точно, одинъ всталъ и началъ говорить рѣчь среди всеобщаго вниманія; мы разумѣется не понимали ни слова, но по нѣкоторымъ общимъ словамъ можно догадаться, какого рода эта рѣчь. Ораторъ кончилъ, и раздались оглушительныя восклицанія: эліенъ! и пр. Потомъ два раза говорилъ другой, и его рѣчи были встрѣчены еще съ бѣльшимъ сочувствіемъ. Наконецъ вдругъ всѣ они запѣли вмѣстѣ пѣсню, такого серьезнаго, даже священнаго напѣва, которая заставляла догадываться, что въ ней идетъ рѣчь не о пустякахъ. Лица у всѣхъ Мадьяръ сдѣлались серьезны, важны, строги даже, и пѣли они съ такимъ участіемъ всего своего существа, съ такою важною энергіею; притомъ тридцать-сорокъ мужскихъ голосовъ, отъ согласнаго звука которыхъ иногда какъ бы все дрожало. Все это было выразительно и эффектно; да, все-таки эффектно! Мы переставали ѣсть въ это время, и нашъ обѣдъ тянулся долго. Наконецъ мы встали, ибо неловко было смотрѣть на нихъ, какъ

на спектакль. Иванъ сказалъ мнѣ потомъ, что когда мы вошли, то нашъ приходъ смутилъ ихъ, что и я замѣтилъ; но что, когда я, по обычаю, соблюдаемому мною и здѣсь, перекрестился передъ обѣдомъ, то это замѣтила маленькая дѣвочка и побѣжала сейчасъ сказать хозяину Мадьяру (вѣроятно ея отцу), бывшему тутъ же. Онъ сообщилъ сейчасъ гостямъ, и вновь, свободно, запиروвали Мадьяры. Они сейчасъ догадались вѣроятно, что это не Австрійцы, а, можетъ быть, догадались, что это Русскіе.

Мадьяры! Мадьяры! Безъ нѣкотораго сочувствія нельзя смотрѣть на нихъ. Я говорю безъ нѣкотораго, ибо Мадьяры—другое дѣло. Мадьяры народъ Азіатскій, народъ кровяной. Какія у него свои глубокія начала духа, какія искреннія убѣжденія?! У него очень искренно кипитъ въ жилахъ кровь, и онъ, какъ дикій звѣрь, силится сломать свою клятву. Къ тому же Мадьяры, до 1848 года, пользовались конституціею и почти независимостью политическою, при чемъ давили страшно входящихъ въ государственные предѣлы Венгрии Славянъ. Воспоминаніе объ этомъ, весьма понятно, постоянно передъ ихъ глазами.

Оставивъ Мадьяръ, пошли мы отыскивать нашу православную, церковь, гдѣ ожидало насъ совсѣмъ иное зрѣлище. Мы пришли и вошли на дворъ: церковь бѣдная, среди маленькаго двора, поросшаго травою, похожая очень видомъ на наши. Она сильно, сильно на меня подѣйствовала; сказалось разомъ такъ много при видѣ этой бѣдной, православной церкви! Мы вошли въ домъ священника: насъ встрѣтила его жена, Сербка, очень обрадовавшаяся, какъ скоро узнала, что пришли свои, православные, Русскіе изъ Москвы; послала сейчасъ за священникомъ, который и пришелъ съ однимъ Хорватомъ-торговцемъ, бывшимъ у него въ гостяхъ и тоже православнымъ, и при томъ, какъ мы узнали послѣ, чрезвычайно ревностнымъ; оба намъ сильно обрадовались. Священникъ—высокій Сербъ съ орлинымъ носомъ. Я сталъ его спрашивать про церковь; онъ сказалъ, что прихожанъ мало, и тѣ забываютъ Сербскій языкъ и начинаютъ говорить по-мадьярски. Онъ спросилъ насъ: откуда мы пріѣхали теперь и куда ѣдемъ; мы отвѣчали, что изъ Вѣны и нарочно въ Гранъ. Долго ли мы останемся, спросилъ онъ; мы сказали, что сегодня ѣдемъ назадъ. Это очень изумляло священника. Онъ показалъ намъ церковь; она очень бѣдна, но и здѣсь нашли мы одно прекрасное облаченіе изъ Россіи, переданное сюда Раевскимъ. Я рѣшился передать церкви приношеніе Карцева, и сказалъ о томъ священнику: и онъ, и Хорватъ, и всѣ были умилены и обрадованы.

Но листокъ къ концу, а у меня даже и бумаги теперь нѣтъ. Итакъ до слѣдующаго письма... Я чувствую себя гораздо здоровѣе: я думаю вы и сами догадываетесь изъ писемъ; запыхиваюсь гораздо менѣе.

Прага.

Церковь, куда я рѣшился передать приношеніе, построена во имя св. Арх. Михаила. Священникъ былъ очень радъ, когда я объявилъ ему, что передаю его церкви дары Карцова. Онъ спросилъ меня объ его имени, но я, вообразите, забылъ. Священникъ, какъ настоящій Славянинъ, просилъ, требовалъ, чтобъ мы пришли къ нему *вечерять*. Славянинъ не можетъ не угостить, какъ-бы бѣденъ онъ ни былъ. Мы обѣщали и пошли въ свою гостинницу; но священникъ и Хорватъ непремѣнно захотѣли проводить насъ. Я шелъ съ Хорватомъ. Сколько словъ глубокаго сочувствія, глубокой любви къ Россіи, слышалъ я отъ своего спутника! Отдохнувъ немного и взявъ церковныя вещи, пошли мы опять къ священнику. Здѣсь я увидѣлъ деликатность, то тонкое Славянское чувство, которое понимаетъ, что любопытство не у мѣста; любопытство было рѣшительно устранено; священникъ не торопился, *не любопытствовалъ* видѣть приношенія. Я самъ сталъ ему показывать, и онъ постоянно повторялъ: *то е льно*. Потомъ, опять, помоему желанію, показалъ онъ всѣ церковныя вещи женѣ своей, которая очень набожная женщина. У священника двѣ дочери, одна лѣтъ 12, другая лѣтъ 6, и еще такихъ же лѣтъ племянница. Онъ весьма бѣденъ, ибо ему жить почти нечѣмъ; но замѣчательно, что къ нему въ церковь ходятъ католики, обращаются къ нему нерѣдко и, хоть нѣсколько, его поддерживаютъ. Но какъ ни бѣденъ священникъ, а для Русскихъ гостей устроилъ вечерю; было-три мясныхъ, народныхъ Сербскихъ блюда, которыхъ къ счастью меня ѣсть, какъ человѣка, ѣдущаго лечиться, не принуждали. За ужиномъ, когда мы говорили о нечаянности нашего посѣщенія, священникъ сказалъ, что его жена въ эту самую ночь видѣла во снѣ Русскаго Царя и рассказала ему поутру свой сонъ, а вотъ и пришли изъ Руси гости. Священникъ рассказалъ намъ, что католическій примасъ (архіепископъ), имѣющій свое пребываніе въ Гранѣ, требовалъ отъ него, чтобъ онъ отслужилъ панихиду по Венгерцѣ, графѣ Съчени, католикѣ; но священникъ рѣшительно отказался. Примасъ неоднократно склонялъ его если не къ католицизму, то хоть къ униатству, и благосостояніе его было бы вполне обезпечено; но священникъ остался непреклоненъ. Нельзя было, безъ уваженія, слышать рассказъ о томъ священника. Во время его рассказа я замѣтилъ, что жена его, рядомъ съ нимъ сидѣвшая, утирала слезы, а Иванъ слышалъ, какъ она вполголоса говорила: „нѣтъ, лучше намъ быть голод-

ными, бѣдными, а отъ вѣры православной не отступиться“. Все это такъ просто, твердо, глубоко и искренно въ православныхъ! Безъ восклицаній, безъ демонстрацій, безъ параду и шуму. За ужиномъ было туземное, вкусное вино. Хорватъ провозгласилъ тостъ за Русскаго Царя, Александра и запѣлъ: многая лѣта! а вмѣстѣ съ нимъ запѣлъ многая лѣта и священникъ. Мы всѣ, чокнувшись, опорожнили стаканы за Русскаго Царя, Александра. Ахъ, Царь Александръ, Царь Александръ! Чувствуешь ли ты, что въ бѣдной комнатѣ Сербскаго священника такъ свободно, такъ непринужденно пьется за твое здоровье? Знаешь ли ты, какъ тебя любятъ Славянскіе народы, какъ всѣ свои надежды полагають они на тебя одного, отъ тебя ждуть своего избавленія? Цѣнишь ли ты это? Исполнишь ли ты надежды этихъ, родныхъ намъ, Славянскихъ народовъ?..

Здѣсь всѣ Славяне ужасно смущены предстоящимъ свиданіемъ Русскаго Государя съ Австрійскимъ. Иные утѣшаютъ себя тѣмъ, что это еще нисколько не значитъ сближенія съ Австрією, которое послѣ всего, чтѣ было, невозможно. Да и точно, невозможно. Нашъ Государь конечно знаетъ, что *сближеніе съ Австрією* было бы не только отдаленіе отъ Славянскихъ народовъ Австріи и Турціи, но также *отдаленіе отъ Русскаго народа*.

Наконецъ ужинъ кончился, мы стали прощаться. Вдругъ, всѣ эти три дѣвочки, съ словами: *добра ночь*, бросились цѣловать руку у меня и у Ивана. Я былъ озадаченъ и не давалъ; но Иванъ, привыкшій къ Сербскимъ обычаямъ, далъ имъ преспокойно цѣловать свою руку. Домой насъ опять проводили священникъ и Хорватъ. Машина отходила въ половинѣ 12-го ночи. Грань находится не на самой желѣзной дорогѣ, и насъ долженъ былъ туда отвозить omnibusъ. Мы сошли дожидаться въ обѣденную залу. Тамъ опять были Мадыяры, и опять шель шумъ и крикъ; но кажется, это было ужъ такъ, какъ попало. Наконецъ сѣли мы весьма тѣсно въ omnibusъ, гдѣ было много и кромѣ насъ, наконецъ пріѣхали на желѣзную дорогу, и наконецъ, взявъ мѣста въ 1-мъ классѣ (въ Австріи многіе ѣздятъ въ 1-мъ классѣ, особенно ночью) поѣхали по желѣзной дорогѣ обратно; но не въ самую Вѣну, а не доѣзжая одной станціи въ Hirsendorf, гдѣ должны были ждать три часа, чтобъ ѣхать въ Прагу. Признаться, мы устали.

Я забылъ вамъ сказать, что когда мы сѣли еще въ Вѣнѣ въ вагонъ, то съ нами сѣлъ одинъ молодой человекъ съ очень пріятнымъ лицомъ; онъ долго смотрѣлъ на меня и наконецъ спросилъ, откуда я. Я отвѣчалъ, что мы Русскіе, изъ Москвы. „О, такъ мы можемъ разумѣть другъ друга“, сказалъ онъ посербски. Оказалось, что это право-

славный Сербъ изъ *Новаго Сада*, гдѣ братъ Иванъ былъ, что онъ слышалъ о пребываніи тамъ Ивана и знаетъ всѣхъ, кого Иванъ знаетъ. Они заговорили другъ съ другомъ, ибо Иванъ уже познакомился съ Сербскимъ языкомъ. Мнѣ было смѣшно слушать Ивана: мнѣ казалось, что онъ только коверкаетъ Русскій языкъ. И въ самомъ дѣлѣ, это такъ. Отношенія близкихъ языковъ между собою совершенно особенныя и странныя. Здѣсь не нужно учиться; нужно только *припоровиться*. Это почти тоже, что *лопатуся, граблюся, садуся*, и т. д. Я говорю этому Сербу, что *Пій IX послѣдній папа*. Сербъ смотритъ на меня и не понимаетъ. Я говорю ему понѣмецки. „*А послѣдній*“, говоритъ Сербъ. Въ удареніи чисто вся разница. Иванъ очень былъ доволенъ, что я видѣлъ этого Серба, который могъ служить образчикомъ Австрійскихъ Сербовъ вообще.

Возвращаюсь къ своему разсказу. Въ Герцендорфѣ сѣли мы въ другіе вагоны и отправились въ Прагу. Въ нашемъ вагонѣ раздавался Нѣмецкій языкъ и сидѣло трое, по видимому, весьма важныхъ Нѣмцевъ, которые смотрѣли на насъ какъ-то *знатно* (*voornehm*). Въ Австріи безпрестанно пересаживаешься изъ одного элемента національнаго въ другой. Только что окунешься въ Славянскую струю, какъ сейчасъ изъ нея въ Мадьярскую, а тамъ въ Нѣмецкую. Разница этихъ элементовъ чувствуется, такимъ образомъ, необыкновенно живо и рѣзко. Изъ Мадьярскаго шума и крика попали мы теперь въ холодную Нѣмецкую рѣчь, да еще въ Нѣмецкое *comme il faut*. Къ одному изъ этихъ Нѣмцевъ, имѣвшему весьма доброе лицо и бывшему гораздо любезнѣе своихъ товарищей, остальные два относились съ большимъ вниманіемъ. У насъ иногда завязывался и общій политическій разговоръ на Нѣмецкомъ языкѣ, но Нѣмцамъ очевидно было неловко. Мы ѣхали Моравіей; надписи были Славянскія; я понималъ ихъ и на вопросъ одного изъ Нѣмцевъ, знаю ли я почешски, я сказалъ, что мы сами Славяне, Русскіе, и потому можемъ понимать другихъ Славянъ. Съ братомъ Иваномъ говорили мы между собою порусски. Нѣмецъ, предметъ вниманія остальныхъ двухъ, очевидно самый знатный, сидѣлъ противъ Ивана и отличался отъ своихъ товарищей внимательною учтивостью при всякой бездѣлицѣ. Мы стали подъѣзжать къ Прагѣ; когда кондукторъ объявилъ, что это послѣдняя станція и что отсюда ѣдемъ прямо въ Прагу, „Теперь намъ недалеко осталось“, заговорилъ вдругъ порусски сидѣвшій противъ Ивана Нѣмецъ. „Какъ, вы знаете порусски“, сказали мы. Я Русскій, отвѣчалъ онъ. Но вы носите однако Нѣмецкую фамилію, сказалъ я, зная, что у насъ много Русскихъ Нѣмцевъ. Я князь Суворовъ, отвѣчалъ онъ... Ну, такъ это имя

самое Русское, сказалъ я ему; отъ чего же вы не говорили до сихъ поръ порусски?—Шелъ общій разговоръ повѣмецки, а у насъ всѣ умѣютъ говорить на иностранныхъ языкахъ, отвѣчалъ кн. Суворовъ*). Иванъ ему сказалъ, что мы Аксаковы. Я это зналъ, сказалъ кн. Суворовъ: я прочелъ ваше имя на дорожномъ мѣшкѣ. Мы простились съ нимъ въ Прагѣ очень любезно. Онъ очевидно весьма добрый человѣкъ, учтивый и любезный; но какой это Суворовъ? Тотъ ли, который былъ губернаторомъ въ Ригѣ? Онъ, какъ кажется, человѣкъ весьма набожный; сказывалъ намъ, что былъ въ Иерусалимѣ.

Мы приѣхали въ Прагу часовъ въ 9 вечера, пошли въ гостиницу, но не нашли порядочнаго №, пошли въ другую, куда насъ едва пустили переночевать: такъ все полно. Теперь въ Прагѣ католическій съѣздъ, на который собираются въ огромномъ числѣ католическіе духовные. На другой день утромъ мы перешли въ другую гостиницу, гдѣ нашли хорошій № въ 1-мъ этажѣ.

Прежде всего мы отправились къ Ганкѣ, который, какъ мы слышали, былъ боленъ. Мы нашли его въ Музеумѣ. Иванъ былъ уже съ нимъ знакомъ прежде. Я назвалъ себя. „Константинъ Аксаковъ!“ вскрикнулъ Ганка, и сталъ меня обнимать. Ганка-старикъ съ чрезвычайно доброю фізіономією, но слѣды болѣзни очень видимы на немъ. Иванъ говорилъ, что онъ очень измѣнился и постарѣлъ. Ганка показалъ намъ письмо къ нему отъ одной молодой Русской дѣвушки, Софіи Солнцевой, которая вмѣстѣ съ своимъ отцемъ была въ Прагѣ и съ нимъ познакомилась; прекрасное, пылкое письмо, полное молодого, чистаго увлеченія къ народности, къ Славянскому имени, написанное живо и прекрасно. Письмо это сдѣлало впечатлѣніе на Ивана (что было мнѣ весьма пріятно); онъ соображалъ, читала ли Солнцева Бесѣду или нѣтъ; заговаривалъ и на другой день объ ней съ Ганкою. Вотъ бы тебѣ жениться, сказалъ я Ивану, разумѣется на единѣ; на это онъ не возражалъ. Отъ Ганки пошли мы къ Ригеру, который былъ дѣдомъ. Какой славный, энергическій и въ тоже время прямой и простой человѣкъ. Я много слышалъ ему похвалъ, но онъ мнѣ еще болѣе понравился. Онъ насъ принялъ съ искреннею пріязнію. Разговоръ завязался живой; мы говорили порусски; Ригеръ почешски, и мы понимали превосходно другъ друга. Правда, Ригеръ говоритъ необыкновенно ясно, отдѣляя каждое слово, хотя въ то же время очень живо и скоро. Но и въ этой дружеской рѣчи Чеха я не могъ не замѣтить того высокаго

*) Родной братъ князя А. А. Суворова, бывшаго генералъ-губернаторомъ на нашей Балтійской окраинѣ. И. А.

мнѣнія, которое имѣютъ они о себѣ сравнительно съ другими Славянами, и того не слишкомъ большого уваженія, которое они имѣютъ къ племени Русскому, собственно Великорусскому. Меня раза два задѣли его слова; у него вырвались они невольно, но тѣмъ важнѣе.

Ригеръ сказалъ, что Палацкій, его тесть, воротился вчера изъ Вѣны, и мы, вмѣстѣ съ Ригеромъ, пошли къ нему. Палацкій—знаменитый Европейскій ученый и въ тоже время благородный характеръ, человекъ, постоянно стоявшій за свой Чешскій народъ. Мы встрѣтили его на порогѣ; онъ воротился и принялъ насъ очень ласково. Съ нимъ говорили мы также, мы порусски, онъ почешки, но не такъ однако свободно понимали другъ друга. Мы сидѣли не долго. Палацкій сказалъ съ грустью, что у него ужъ годъ, какъ умерла жена, что онъ не знаетъ, какъ будетъ проводить время и что онъ занимается еще сильнѣе.

Отъ Палацкаго пошли мы къ Гатталъ, филологу. Этого тоже встрѣтили на порогѣ, онъ тоже воротился. Очень былъ радъ, что съ нами познакомился; онъ прочелъ первую половину критики моей на Буслаева, весьма хвалилъ и показалъ мнѣ отдѣльный оттискъ начала критики, а второй половины критики не читалъ, хотя она помѣщена въ Бесѣдѣ, которая здѣсь есть. Признаться, я долженъ сказать, что, сколько я замѣтилъ, здѣсь смотрять на Бесѣду, какъ на *сокровище* въ полномъ смыслѣ слова, и держать еѣ весьма *сокровенно*, въ тайнѣ, даже отъ себя самихъ. Можетъ быть, кой-что и прочтется, но капитальныя статьи большею частію остаются не читанными. Бесѣда беретъ своею важною наружностью, и тѣмъ, что есть Бесѣда, въ которой высказывается народное направленіе: ужъ и это много. Гаттала проводилъ насъ почти до самой гостинницы и непременно хотѣлъ имѣть со мною настоятельный филологическій разговоръ. Ганка въ тотъ же день былъ у насъ во время нашего обѣда и звалъ насъ въ Чешскую Бесѣду, для чего просилъ зайти къ нему въ 7 часовъ. Въ этотъ вечеръ, въ Чешской Бесѣдѣ (родъ клуба) давался концертъ; слушать музыку я вовсе не желалъ, но зайти въ Бесѣду было должно. Мы зашли къ Ганкѣ, но онъ былъ нездоровъ и просилъ насъ пойти однихъ и кого-нибудь вызвать, ибо насъ должно было кому-нибудь ввести. И точно, вышелъ одинъ Чехъ, охотникъ говорить пофранцузски (что въ чужихъ краяхъ какъ-то особенно противно) и взялъ насъ на свое попеченіе. Намъ подали книгу, мы написали наши имена и вошли. Множество мужчинъ сидѣло за накрытыми столами, ѣли и пили пиво; вотъ и Чешская Бесѣда. Чехъ-французъ повелъ насъ, гдѣ читаютъ журналы, которые полны толками о свиданіи нашего Государя съ Австрійскимъ. Почти

тавъ журналы, пошли мы въ концертную залу, которая была уже почти полна дамами. Наконецъ, концертъ готовъ начаться. Мужчины, оставивъ пиво, пошли въ залу, а мы съ Иваномъ домой. На другой день, ранехонько, къ намъ явился Ганка; нездоровье его прошло, и онъ повелъ насъ по городу. Городъ очень красивъ и исполненъ историческихъ воспоминаній, тѣсно переплетенныхъ съ исторіею Германіи. Поводивъ насъ по городу, Ганка отпустилъ насъ съ тѣмъ, что мы пообѣдавъ возьмемъ фіакръ и поѣдемъ осматривать Прагу и даже окрестность Праги. Такъ и сдѣлали. Были на Пецынѣ: преогромнѣйшая гора, на которую всходятъ постепенно по дорожкамъ и на которую мы вошли почти до самой вершины. Оттуда очень хорошей видъ на Прагу, которая, для желающаго, можетъ, пожалуй, отчасти напомнить Москву. Потомъ поѣхали мы въ Градчинъ; это древняя крѣпость Праги; входили тамъ въ соборъ, гдѣ много древнихъ воспоминаній. Наконецъ оттуда поѣхали въ Буберечь, деревню подлѣ Праги, гдѣ, около одного зданія, бездна народу дѣлають дѣло: ѣдятъ, пьютъ и курятъ. И въ этомъ множествѣ Чешскаго народу, въ теченіи всѣхъ нашихъ осматриваній, и въ толпѣ, и въ отдѣльныхъ группахъ, постоянно раздавался Нѣмецкій языкъ, ни одного Чешскаго звука. Я нѣсколько разъ указывалъ на это Ганкѣ, и бѣдный Ганка очень смущался. Наконецъ поѣхали мы домой. Это былъ часъ седьмой, или около семи (здѣсь обѣдаютъ рано, и вечеръ начинается рано). Но Ивану еще надо было ѣхать въ 9 часовъ въ Лейпцигъ. Я пошелъ его провожать на желѣзную дорогу. Вообразите: тотъ, кто провожаетъ долженъ брать билетъ на входъ и платить за то 18 крейцеровъ (9 коп. сер.)! Это только въ Австріи... Я радъ былъ, что Ивану было просторно сидѣть; кромѣ него, всего три человекъ въ семимѣстномъ вагонѣ; въ числѣ этихъ трехъ два Бѣлградскихъ Серба. Воротившись домой, я напился кофею и легъ спать. Кстати о кофеѣ. Вы знаете, какъ сильно дѣйствуетъ онъ на меня; но Нѣмецкій кофеѣ—такой невинный, что не производитъ на меня никакого дѣйствія; напротивъ того: сколько я замѣчаю, онъ мнѣ здоровъ и по вкусу. Какъ это Нѣмцы умудряются сочинить такой кофеѣ—непонятно. Вы видите, что я по необходимости дѣлаю много движенія, и кажется, мнѣ это полезно; я запыхиваюсь гораздо менѣе, и даже правая нога укрѣпилась, такъ что я могу держаться на каблукѣ (хотя Поссельтъ сказалъ, что мускуляція правой ноги замѣтно тоньше).

Какое особое явленіе представляетъ Австрія и собственно Вѣна: это толкотня народностей, которыя всѣ задѣваютъ другъ друга, потому что всѣ онѣ стянуты вмѣстѣ Нѣмецкимъ поясомъ. Когда я пишу къ

вамъ, я какъ будто разговариваю съ вами, милая дражайшая маменька, и вы мои милыя сестры. Надо сознаться, что чужіе края въ этотъ разъ произвели на меня отвратительное впечатлѣніе; эта постоянная скачка по желѣзнымъ дорогамъ, постоянная суета и бѣготня, это удобство и легкость передвиженія—все это запечатлѣно какъ-то отсутствіемъ глубины, степенности, серьезности, дѣла. Все двигается, благо двигаться стало легко. Самыя историческія судьбы Европы тоже какъ-то ходятъ ходенемъ. Итальянская народность можетъ лопнуть какъ мыльный пузырь. Вся современная исторія какъ будто на пружинахъ, такъ вся и шевелится. Это относится собственно конечно къ Западу. Замѣчательно, какъ вездѣ здѣсь неопрятенъ и некрасивъ простой народъ, какъ одеждою, такъ и вообще наружностью; у насъ, въ Великой Руси—на оборотъ: онъ-то и красивъ, крестьянинъ, какъ-бы ни былъ бѣдно одѣтъ. Надо сказать правду, что какъ переѣхали мы въ Славянскія земли, такъ опрятности и чистоты замѣтно меньше, чѣмъ у Нѣмцевъ; но за то у Нѣмцевъ это ужъ идетъ за добродѣтель.

Завтра можетъ быть уѣдемъ изъ Праги, завтра долженъ пріѣхать Иванъ. Мы еще не рѣшились, куда ѣхать. въ Дюркгеймъ или въ Веве. Я думаю теперь о томъ, чтобы 20 число*) быть тамъ, гдѣ Русская церковь. Русская церковь есть въ Женевѣ. есть и въ Штутгартѣ по дорогѣ; но мнѣ хотѣлось бы быть ужъ въ Женевѣ, гдѣ, говорятъ, прекрасный священникъ, а въ Штутгартѣ—модный. Я, по многимъ разсужденіямъ, желая выполнить добросовѣстно то, для чего я посланъ вами за границу, желая, чтобъ данныя мнѣ деньги, которыя такъ нужны для всѣхъ насъ, достигли своего назначенія—я склоняюсь къ Веве; ибо мнѣ кажется, что и Варвинскій предпочитаетъ Веве другимъ мѣстамъ леченія, и вы также желали бы, чтобы я туда поѣхалъ. Противъ Веве можно сказать, что тамъ горный воздухъ; но тамъ не очень высокія горы около, да и озеро, которое вѣдь море въ маломъ видѣ. Къ тому же о горномъ воздухѣ, и то Монтрѣ, а не Веве, слышалъ я отъ гр. Салиасъ, а Кюршд долженъ лучше знать. Одно правда: Веве дальше, много тамъ народу, хлопотно попасть на другую монетную систему и, можетъ быть, потерять при размѣнѣ; но все это еще не такія важныя причины. О рѣшеніи нашемъ увѣдомимъ васъ, можетъ быть, по телеграфу. Буду опять продолжать свой разсказъ.

Вставъ на другой день поутру, я принялся за письмо къ вамъ, самъ бросилъ его въ ящикъ, сходилъ къ Ганкъ, подарилъ ему Грам-

*) 20 Сентября—день рожденія отца, т. е. С. Т. Аксакова (скончавшагося въ 1859 г.). И. С.

матику (онъ преподаетъ Русской языкъ) и воротился домой. Странно намъ было, что никого кромѣ Ганки не было у насъ на другой день, не отдали визита. Это весьма здѣсь считается. Наконецъ, вотъ и третій день, и никто неидетъ. Мнѣ было это очень странно, въ особенности послѣ радушнаго приѣма. Наконецъ вечеромъ (то есть часа въ 4) пришли Палацкій и Ригеръ вмѣстѣ и сидѣли со мною долго. Ригеръ объявилъ, что вчера прійти ему помѣшали гости, въ чемъ я и не сомнѣваюсь. Это отличные люди. Палацкій ушелъ часу въ седьмомъ, а Ригеръ оставался до девяти. Но какая гордость, какая надменность своимъ чехизмомъ, и какое пренебрежительное и нелестное мнѣніе о Русскомъ народѣ! У Палацкаго это высказывалось гораздо сильнѣе. Только мое уваженіе къ лѣтамъ и вмѣстѣ заслугамъ Палацкаго меня удерживало. Но я не могъ однако ему этого не замѣтить; онъ объяснялся, но объясненія мало измѣняли дѣло. Я былъ радъ, что ушелъ Палацкій и что мы остались съ Ригеромъ вдвоемъ. Я сталъ говорить то, для чего и ѣхалъ въ Прагу, именно о томъ, что мало предавать значенія Славянской независимости, а надобно понять, что такое Славяне, въ чемъ же ихъ самостоятельность, гдѣ же ихъ начала. Неужели же роль Славянъ—повторить Нѣмцевъ, эта роль *переводчиковъ* въ челоуѣчествѣ, переводчиковъ съ Нѣмецкаго на Славянскій, незавидная роль? Ригеръ понялъ меня только вполовину, да и того не будетъ. Онъ указываетъ, что Чехи лучше Нѣмцевъ могутъ иное сдѣлать. Я говорю ему, что тутъ еще нѣтъ ничего утѣшительнаго, если Славянинъ иное Нѣмецкое лучше Нѣмца сдѣлаетъ: гдѣ же Славянское-то дѣло? Ригеръ соглашался, но очевидно, поверхностно понимая вопросъ. Онъ говорилъ о культурѣ, о томъ, что старѣйшая культура непременно покорить юнѣйшую и пр. Я указалъ ему наконецъ на христіанство. Я старался ему объяснить, что старѣйшая культура должна быть принята, какъ матеріалъ, что пусть она вооружитъ новую мысль, пусть будетъ предметомъ ея созерцанія, и при томъ критическаго созерцанія—и только; но самостоятельная дѣятельность предлежитъ новой мысли; что я надѣюсь, что всеобщая исторія будетъ понята и написана славянствомъ. Онъ соглашался, и въ словахъ его сейчасъ слышалось, что согласіе не глубокое; онъ приходитъ въ восторгъ, что Чехи въ ремеслахъ искуснѣе Нѣмцевъ. Наконецъ я заговорилъ ему о нашемъ крестьянинѣ съ такой точки, съ какой онъ конечно на него не глядѣлъ. Онъ не спорилъ, ибо тутъ онъ и не могъ спорить; мнѣ казалось даже, что онъ, хоть отчасти, принималъ мои слова, не считая ихъ увлеченіемъ, но опять-таки едва-ли затрогивали они его глубоко. Сильна у Чеховъ съ Нѣмцами связь общаго Западнаго просвѣщенія и вмѣстѣ аристократіи этого Западнаго просвѣщенія. Очевидно, что

они, Богъ знаетъ, что о себѣ думаютъ¹⁾. Ригеръ даже говоритъ, что Запорожская сѣчь есть подражаніе Прагѣ! А какъ говоритъ онъ, почти со смѣхомъ, о Хорватахъ!... Нѣтъ, тутъ не будетъ толку, если Чехи не почерпнуть Славянскаго духа оттуда, гдѣ онъ есть; а у себя самихъ они его не доищутся сами. Я касался религіознаго вопроса, но Ригеръ не очень-то на него обращалъ вниманіе, и даже, если я не ошибся, онъ устранялъ его, — какъ вопросъ старины, являющійся иначе въ наши образованныя времена. А между тѣмъ, въ прошедшемъ, какъ рвалась еще самостоятельность Чешская въ лицѣ Гусситовъ! И они, современные Чехи, не вникаютъ въ смыслъ этихъ событій! Разговоръ у насъ былъ очень живой; мы прощаясь, цѣловались по-славянски: на другой день Ригеръ долженъ былъ уѣхать въ Вѣну дня на два. Очень жаль это, ибо мы вѣроятно выѣдемъ въ Вѣну завтра же. Впрочемъ, поговоримъ еще объ этомъ съ Иваномъ, котораго жду завтра рано утромъ.

Сегодня я опять писалъ къ вамъ письмо, ходилъ утромъ въ Бесѣду читать газеты и ни у кого не былъ. Жалѣю, что не былъ у Палацкаго; ну, да можно завтра. Я думалъ, признаться, что придетъ Гаттала, но къ моему великому удивленію онъ не пришелъ, ибо теперь попражски, уже давно вечеръ. Очень можетъ быть, что мы и не увидимся, а жаль, ибо мнѣ хотѣлось поговорить съ нимъ о филологіи. Въ разговорѣ съ Палацкимъ рѣчь какъ-то коснулась филологическаго вопроса. Палацкій сказалъ, что онъ не филологъ, и прибавилъ: филологія—это Славянскій грѣхъ. Разумѣется, я съ нимъ не согласенъ; это не Славянская мысль. Я купилъ тетрадку Энциклопедическаго Лексикона, издаваемаго Ригеромъ. Тамъ сказано объ Отесинькѣ²⁾ съ искреннимъ сочувствіемъ. Ригеръ исполненъ уваженія къ Отесинькѣ. О, вашъ отецъ! говоритъ онъ. Какъ дорого было мнѣ это слышать! Онъ объ Отесинькѣ большею частію знаетъ только по слухамъ. Я обѣщалъ ему прислать всѣ отесинькины сочиненія.

¹⁾ Въ Ноябрѣ 1858 года живучи въ Прагѣ, слышалъ и я отъ Палацкаго, будто наши Запорожцы только подражаніе какому, то старинному Чешскому учрежденію! П. Б.

²⁾ Въ семьѣ Аксаковыхъ дѣти звали отца, т. е. Сергія Тимофѣевича, *отесинькою*. Это какъ бы переводъ Нѣмецкаго ласкательнаго слова *Väterchen*. П. Б.